

Цуй Мин-дэ вновь усмехнулась, не отрывая взгляда от А-Хуань, но слова её были обращены ко мне:

— Эрнян, помнишь наше прежнее соглашение? Я помогала тебе, теперь твой черёд отплатить. Вдовствующая императрица намеревалась отправить меня и нескольких шангунов в монастырь вместо себя, чтобы мы, пребывая в покое, совершенствовались, изучали сутры и молились о её благоденствии. Но раз А-Шао уже в войсках, я передумала. Я хочу поступить в Военное министерство, чтобы помогать вдовствующей императрице в стратегических вопросах и планировании военных операций.

Я нахмурилась:

— В нашем государстве ещё не бывало, чтобы женщина входила в состав министерства. Такие, как Ваньэр или моя матушка, участвовали в управлении, оставаясь в статусе дворцовых особ. Для Дугу Шао тоже был пример — принцесса Пинъян. Но чтобы женщина стала чиновником в переднем дворе... это станет прецедентом, какого не было испокон веков. В душе я, конечно, этого желаю, но боюсь, что мне это не по силам.

Цуй Мин-дэ холодно прервала её:

— До княгини Лулин в нашем государстве тоже не бывало, чтобы князь находился в своём уделе, а супруга его оставалась в столице. — Она бросила на меня взгляд и добавила:

— Да и до А-Шао не было женщины, которая могла бы законно стать генералом Юцзи.

Меня будто озарило.

До сих пор мои подозрения были словно за бумагой на окне — смутными, неясными. Теперь же Цуй Мин-дэ сорвала эту бумагу, и всё внутри и снаружи стало ясно как день, без единой преграды.

А-Хуань сделала это нарочно.

У Цуй Мин-дэ есть мудрый и опытный дед, её род процветает, брака и детей у неё нет. Единственная привязанность, что может стать её слабостью, — это Дугу Шао. А Дугу Шао всей душой стремится к военным подвигам и славе. Но в наше время это не более чем пустая мечта. Пусть она из военной семьи и даже обладает талантом, она всё равно лишь женщина. Женщина, которой в эту эпоху предназначено выйти замуж и родить детей.

И вот А-Хуань шаг за шагом устраняла препятствия на пути Дугу Шао, по крупице давала ей надежду. Чем больше та получала, тем меньше хотела отступать, а чем упорнее держалась, тем опаснее становилась её стезя.

Для женщины стать военачальником в наши дни — вызов самому порядку вещей. Не только чужие мужчины не потерпят такого явного попрания устоев, такого посягательства на их высокое положение, но и близкие, из заботы о репутации рода и безопасности детей, не станут поддерживать это искренне.

А если Дугу Шао действительно захочет пробить себе дорогу, ей потребуется опора при дворе. Пока что такая опора — лишь я.

Вот почему Цуй Мин-дэ вытерпела три дня, но в конце концов пришла ко мне.

Приём по сути прост — использовать обстоятельства в своих интересах. Когда-то она так же поступила с Вэй Синь, но тогда была слишком порывиста, и её замысел легко читался. Теперь же она стала терпеливее, гибче и глубже.

В этом дворце повзрослела не я одна.

На сердце стало тяжело. Я не знала, что сказать. Хотела попрощаться, но чувствовала — сейчас не время. Хотела спросить, но слова застревали в горле. Неужели мы уже почти пять лет знаем друг друга?

И эти пять лет были самыми счастливыми в моей жизни.

А-Хуань стояла неподвижно. Не говорила, не шевелилась, не улыбалась — просто стояла и смотрела на меня.

Лицо её было спокойно, но глаза сияли — даже осеннее солнце не могло сравниться с этим светом.

Ей уже минуло восемнадцать, шёл девятнадцатый год, после нового её можно было бы назвать двадцатилетней. Возраст, когда мужчины получают первую должность, а девушки считаются зрелыми женщинами. Но в её взгляде всё ещё жила юношеская ясность. Не самое белое, не самое нежное лицо дышало живой силой. Она любила зелёный и жёлтый цвета, и сегодня была одета в платье этих оттенков. Наряд, сшитый во дворце, тонкой работы, но на нём висел мешочек «Чэнлу» на чёрном фоне, с криво вышитыми зелёными ромбами. Я сделала его для неё впопыхах, даже не подарок — просто хотелось что-то для неё сделать. Она всегда смеялась над его уродливостью, дразнила меня, но в подходящие моменты неизменно надевала, тщательно расправляя каждую ниточку.

Она никогда не говорила, что любит меня, но я знала — любит.

Так же, как люблю её.

Шоули, не видя матушку и тётю, уже расплакался не раз.

Обычно, когда мы спорили, А-Хуань нарочно приносила Шоули, чтобы я сдалась. И я часто уступала, ссылаясь на него. Но сегодня, как бы Шоули ни капризничал, А-Хуань не велела впускать его. В зале оставались только мы.

Солнце медленно поднялось к зениту, принося с собой осеннее тепло. Я не выдержала и спросила первой:

— Тебе нечего мне сказать?

А-Хуань тихо рассмеялась, словно устав от долгого стояния, медленно двинулась и села на почётное место:

— Тайпин, что ты хочешь услышать?

Давить на неё я не хотела. Опустила взгляд на свои туфли и, помолчав, проговорила:

— Разве ты не боишься, что с А-Шао что-нибудь случится?

Я не хотела и думать о плохом. Предпочитала верить, что она вернётся с победой, станет самой молодой военачальницей Тан, восходящей звездой, целой и невредимой. Этот «вдруг» был

лишь уловкой, чтобы выпытать у А-Хуань правду.

А-Хуань взглянула на меня:

— Стремилась к доблести — и получила её. Чего же бояться?

Я пристально посмотрела на неё:

— Но если что-то произойдёт, не только Цуй Мин-дэ в гневе обрушится на тебя, но и Луонань-гун, наверное, возненавидит. Всё, чего ты с таким трудом добивалась, пойдёт прахом.

Она улыбнулась, но ответила вопросом на вопрос:

— Тайпин, знаешь, почему Дугу Шао не пошла к отцу или в ближайший лагерь, а отправилась именно в Чанцин?

Я слегка нахмурила брови:

— Пойти к Луонань-гуну — всё равно что остаться дома. К тому же она женщина — где бы ещё её не сочли за сумасбродку, а двор не признал? Только в Чанцине, где положение отчаянное и люди в смятении, её примут как спасительницу. А двор, чтобы поднять боевой дух и явить преданность, даже если она женщина, издаст хвалебный указ, и никто не посмеет её трогать. Чанцин и впрямь её единственный путь.

А-Хуань улыбнулась:

— Да, Чанцин — её единственный путь. Как и этот поступок — мой единственный путь.

Сердце моё сжалось:

— Они же не такие люди. Да и Цуй Мин-дэ всегда молчалива, с людьми не сходится. Дугу Шао хоть и кажется беспечной, но умна...

А-Хуань покачала головой:

— Пока между нами нет противоречий, они, конечно, молчаливы и осторожны. Но если противоречия возникнут? — Она приложила палец к моим губам, не давая говорить дальше. — Предположим, Цуй Цзяо захочет стать нашим врагом. Как думаешь, Цуй Мин-дэ поможет ему или нам? Если с Цуй Мин-дэ случится беда, Дугу Шао будет спасать её или нас?

Ответа у меня не было. Поставь меня перед выбором между А-Хуань, Дугу Шао и Цуй Мин-дэ, я бы выбрала А-Хуань. Даже если бы потом всю жизнь корила себя. На их месте они, наверное, поступили бы так же. Дело не в благородстве или подлости. Дело в человеческой природе.

Палец А-Хуань скользнул по моей щеке, мягко, нежно, с бесконечной нежностью:

— Ты тоже выросла. Понимаешь, что в мире нет ничего абсолютного. Сегодня они твои друзья, завтра — могут и не быть. Даже если они останутся друзьями, их семьи и кланы не всегда будут с нами. Лучше привязать их к себе покрепче сейчас, чем ждать, когда это случится потом. Тем более что весь этот путь Дугу Шао выбрала сама. С самого начала никто не принуждал её — кроме Цуй Мин-дэ.

— Но путь, который выбрала для неё Цуй Мин-дэ, и вправду лучший.

Она снова улыбнулась:

— Ты говорила мне, что хочешь сохранить свою суть, даже если путь станет труднее, а будущее — мрачнее. Есть вещи, на которые ты не пойдёшь. Так ведь? Если ты такова, почему Дугу Шао не может быть такой? То, что мы считаем лучшим путём, для неё может быть не лучшим.

<http://bllate.org/book/16278/1467323>